

Следом из его горла полилась звонкая и чистая оперная рулада, эхом разнесшаяся по пустой площадке:

— Это всё моя-я вина~ Есть ли толк признавать её сейчас...

Стоило зазвучать голосу Жун Юйхэна, как с опозданием на две доли вступил Вэнь Чжэчэн. Его низкий, певучий голос наложился на пение Жун Юйхэна, подобно звукам виолончели, плавно струящимся в воздухе:

— ...это моя вина-а~ ...есть ли толк... нет толка.

Этот дуэт из высокого и низкого голосов тонкими нитями вился в ушах Цюй Юйхэ, словно два паучьих оборотня плели свою Пещеру Шелковой Паутины прямо у него в голове.

Жун Юйхэн и Вэнь Чжэчэн продолжали петь по голосам. Эти два актера-творца умудрились даже переделать текст песни:

— Я уже-е лишился~ своего Вэйбо~ Позволю себе напоследок маленькую шалость, о-о-о~

...

Когда их голоса затихли, Цюй Юйхэ всё еще пребывал в прострации. Про себя он думал:

«Неужели это те самые божественные голоса, способные вознести на небеса? Ну уж нет, я пас...»

Допев, Жун Юйхэн замер на пару секунд, а затем послушно высунул голову:

— Брат Цюй, мы с Учителем Вэнем уже поняли свою ошибку и специально сочинили эту песню, чтобы показать нашу искренность.

Вэнь Чжэчэн согласно кивнул, подтверждая: всё верно, они настроены серьезно.

Цюй Юйхэ постепенно пришел в себя. Он тряхнул головой, пытаясь развеять паутину в мыслях.

— Вы... — он приоткрыл рот, но тут же захлопнул его, явно еще не оправившись от пережитого потрясения.

Хозяин и его питомец не торопили события, лишь смирно и послушно глядели на него.

Спустя некоторое время к Цюй Юйхэ наконец вернулась способность здраво мыслить. Прижав ладонь к бешено бьющемуся сердцу, он глухо произнес:

— Брат Чжэчэн, ты действительно растешь над собой.

Вэнь Чжэчэн скромно опустил голову:

— Человек должен развиваться.

Цюй Юйхэ:

— ...

Жун Юйхэн:

— ...

Его Вэнь-хозяин, кажется, совершенно не понимал сарказма.

К счастью, то, что Вэнь Чжэчэн втайне от Цюй Юйхэ задействовал свою команду, не вылилось в крупный скандал. Прочитав им обоим длинную и занудную лекцию, Цюй Юйхэ решил закрыть эту тему.

Когда Цюй Юйхэ ушел, Жун Юйхэн потерся о своего хозяина Вэня, словно хомячок, отряхивающий шерстку, и резонно заметил:

— Знаешь, похвала не всегда означает, что тебя действительно хвалят.

Вэнь Чжэчэн не понял:

— Почему? — удивился он. — Каждый раз, когда я хвалю тебя, я делаю это совершенно искренне.

Заготовленная Жун Юйхэном длинная тирада тут же застряла у него в горле.

Ему вдруг стало совестно за собственную искушенность. Вэнь Чжэчэн — такой чистый и простодушный человек, зачем же открывать ему глаза на лицемерие и колкости этого мира?

Жун Юйхэн чмокнул его и сказал:

— Ничего, это я глупость сморозил. Все те слова похвалы были искренними. Ты заслужил их по праву.

Вэнь Чжэчэн слегка наклонил голову, со сладким трепетом принимая поцелуи своего домашнего хомячка:

— Угу, я понял.

...

Съемки фИгры уже близились к завершению, и Хэ Чжоу тоже должен был вот-вот вернуться.

Жун Юйхэн немного тревожился: в прошлый раз он так резко бросил трубку, и теперь неизвестно, не возникнет ли неловкости при совместной игре с Хэ Чжоу.

Однако не успел Жун Юйхэн придумать, как вести себя с Хэ Чжоу, как звонок Жун Цунъяня прервал его спокойные будни на съемочной площадке.

Когда Жун Юйхэн принял вызов, вечерняя смена как раз закончилась. Сгустились сумерки, лица людей вокруг стали неразличимы. Работники съемочной группы сновали туда-сюда, убирая камеры и осветительное оборудование. С резким скрежетом перетаскивали отражатели, повсюду слышался негромкий говор.

Связь на съемочной площадке оставляла желать лучшего, голос Жун Цунъяня в трубке то и дело прерывался, дыхание брата казалось прерывистым.

— Сяо Хэн, срочно возвращайся. Отца увезли в больницу.

На мгновение Жун Юйхэну показалось, что все окружающие звуки отдалились и смолкли.

Он смутно расслышал, как Жун Цунъянь назвал адрес, упомянул что-то об обмороке... Когда на том конце провода повесили трубку, он всё еще стоял в оцепенении.

Предупредить Сян Шицю, отпроситься у Цянь Синьлэя, купить билет на ближайший ночной рейс... Жун Юйхэн сам не понимал, как со всем этим справился, — всё происходило на автопилоте. В его голове набатом стучали слова Жун Цунъяня: «Отца увезли в больницу».

Закончив с делами, Жун Юйхэн уже собирался сесть в такси, как вдруг кто-то крепко перехватил его запястье.

Обернувшись, он увидел стоящего в ночной темноте Вэнь Чжэчэна. Тот сжал губы, отчего очертания его лица казались суровыми, но взгляд оставался нежным.

— Жунжун, — позвал его Вэнь Чжэчэн. Он притянул его к себе и крепко, до хруста, обнял. — Если... если что-то случится, ты можешь мне позвонить.

Широкая грудь Вэнь Чжэчэна была теплой и надежной. Уткнувшись в нее, Жун Юйхэн уловил скрытый смысл его слов. У него защемило в носу, а растерянность и паника в душе мгновенно улеглись.

Вэнь Чжэчэн не стал говорить: «У тебя есть я». Он мог бы воспользоваться моментом, чтобы заявить о себе и прочнее войти в жизнь Жун Юйхэна, но посчитал, что подобные слова прозвучат так, словно Жун Юйхэн уже потерял самое близкое.

Поэтому он лишь произнес: «Ты можешь мне позвонить». Он просто встал там, где Жун Юйхэн всегда мог его увидеть, обернувшись, — готовый спокойно и безмолвно оберегать его.

Жун Юйхэн обнял его в ответ:

— Я знаю.

Поскольку время поджимало, они обнимались не дольше полуминуты. Вэнь Чжэчэн отпустил его и проводил взглядом до машины.

— Напиши мне, как приземлишься.

Жун Юйхэн кивнул, стекло поднялось, и красные габаритные огни такси прорезали темноту двумя яркими полосами, стремительно уносясь вдаль.

—

Самолет вылетел в 2:40 ночи и приземлился в начале шестого утра. Выйдя из аэропорта, Жун Юйхэн сразу поймал такси и направился в больницу.

По телефону Жун Цунъянь обрисовал ситуацию лишь в общих чертах, да и в мыслях Жун Юйхэна тогда царил полнейший сумбур, так что он до сих пор не знал, что именно произошло с Жун Тяньшэнем.

Неизвестность порождала страх.

Пол больничного холла был выложен белой плиткой, шаги по которой отдавались отчетливым стуком. Цифры на табло лифта быстро сменяли друг друга, пока кабина не остановилась на пятом этаже.

Выйдя из лифта, Жун Юйхэн пошел по коридору, высматривая нужный номер палаты, который ему прислал Жун Цунъянь. Повернув за угол, он увидел старшего брата — тот сидел у двери, на его лице читалась крайняя усталость.

— Брат! — позвал его Жун Юйхэн и поспешил навстречу. — Где отец?

— Его состояние стабилизировалось, — Жун Цунъянь положил руку на плечо брату, стараясь его успокоить. — Он ненадолго потерял сознание, но ничего слишком серьезного. Сейчас он спит в палате.

Жун Юйхэн спросил:

— Что говорят врачи?

Жун Цунъянь вздохнул:

— С возрастом здоровье начинает подводить. Врач сказал, что у отца, скорее всего, произошло нарушение мозгового кровообращения — резко закружилась голова, и он упал. К счастью, помощь подоспела вовремя, сейчас всё в порядке.

Услышав это, Жун Юйхэн немного расслабился.

Он прислонился к холодной стене. До этого его переполняла тревога, но стоило немного успокоиться, как он почувствовал, что его колени мелко дрожат от пережитого напряжения.

Вновь обретя способность здраво мыслить, Жун Юйхэн спросил:

— Но почему вдруг нарушилось кровообращение?

При этих словах на лице Жун Цунъяня проступило явное смущение.

Жун Юйхэн недоуменно вскинул брови:

— ?

Жун Цунъянь на мгновение задумался, а затем медленно произнес:

— Отец в последнее время увлекся чтением исторических книг...

Жун Юйхэн нахмурился:

— Я хоть и не великий ученый, но не надо меня дурачить. Как можно заработать нарушение кровообращения от чтения книг по истории?

Жун Цунъянь продолжил объяснения:

— Не знаю, помнишь ли ты историю про Лянь По.

— Ту, где он принес повинную с розгами на спине?

— Нет, другую, с известной крылатой фразой: «Лянь По постарел, может ли он еще есть?».

Восстановив в памяти детали, Жун Юйхэн всё еще не видел логической связи с болезнью отца. Он даже засомневался в своей эрудиции: неужели он что-то перепутал?

Так и не найдя разгадки, он решил спросить напрямую:

— И как это связано с обмороком отца?

Жун Цунъянь отвел глаза в сторону, уставившись куда-то в пустоту в конце коридора:

— ...Отец тоже решил проверить, не устарел ли он, и умял за раз огромную пиалу риса и несколько цзиней мяса.

Жун Юйхэн опешил от такой нелепости:

— Он что, объелся до потери сознания?!

— Да нет же, — Жун Цунъянь тщательно подбирал слова, чтобы эта нелепая история звучала хоть чуточку приличнее. — Он, как и Лянь По, бегал в туалет несколько раз подряд. А в итоге слишком долго просидел на корточках, резко встал, и у него потемнело в глазах.

— ...

<http://bllate.org/book/18291/1754292>